

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ТОМСКАЯ НАХОДКА

В святая святых библиотеки Томского государственного университета — хранилище редких книг — два больших стеллажа целиком отведены личному собранию книг великого русского поэта В. А. Жуковского, 200-летие со дня рождения которого исполняется 9 февраля с. г. 4674 тома! В 1879 году известный сибирский меценат А. М. Сибиряков приобрел библиотеку у сына поэта и пожертвовал ее создававшемуся тогда Сибирскому (Томскому) университету.

Годы посвящали изучению этого сокровища томские филологи под руководством профессора Ф. З. Кануновой. Находки их впечатляют! Знакомились с ними, и перед тобой вместо хрестоматийного поэта, далекого от жизни, «созерцательного, эстетического романтика, склонного к мистике», встает совсем другой человек — крупный общественный деятель, патриот, гуманист.

Библиотека поразительна. Прежде всего она свидетельствует о многогранных интересах и энциклопедической образованности В. А. Жуковского. В библиотеке труды французских, немецких и английских мыслителей и философов, почти все, что было создано к началу XIX века в мировой эстетике, книги по естественным наукам, по новейшей истории, географии, педагогике. На русском, французском, английском языках...

Десятки томов с дарственными надписями Батюшкова, Баратынского, Гнедича, Гоголя, Дельвига рассказывают о литературных, общественных связях поэта, дополняя, а зачастую и уточняя наши представления о его общественно-политических взглядах. Вот скромная брошюра с инвентарным номером 226. «Взгляд на гомеопатическое лечение» с посвящением: «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому от сочинителя». А сочинителем был известный адмирал Н. Мордвинов, член Верховного уголовного суда. Суда, который вынес смертный приговор декабристам. Мордвинов единственный проголосовал против этого решения.

Общезвестно, как негативно реагировал Жуковский на восстание декабристов, но почему-то забылось, что этот чисто эмоциональный всплеск чувств уже к 1827 году сменился совершенно иным настроением. В период мрачной реакции он бесстрашно выступает за амнистию декабристам: «Пришла пора залечить те раны, которые в стольких сердцах болят и вечно болеть не перестанут». Его возмущают «шпионство», «законное беззаконие». Эти настроения мы встречаем и в найденных записях на обложке «Грамматики» Н. Греча. Здесь рукой поэта набросан эскиз письма, предназначавшегося, вероятно, царю: «Я бы сказал государю: если тебя не спасет твоя любовь к народу и твое царствование, то надзор и усиленное шпионство еще менее спасут».

Вот уж поистине открытие для тех, кто представлял поэта «созерцателем».

Текст созвучен мыслям письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1827 года. Это позволяло томским ученым почти точно определить время появления найденной записи: ноябрь — декабрь 1827 года.

Библиотека Жуковского — своеобразная творческая лаборатория поэта. Он удивительно читал! Почти каждая книга хранит следы его раздумий.

Десятки книг буквально испещрены записями. И какими! Здесь ранее неизвестные переводы Жуковского, планы, наброски. Среди них 30 страниц неизвестного до сих пор перевода «Сидя» Гердера. Почти тысяча строк. 17 страниц перевода трагедии Вернера «Двадцать четвертое февраля», фрагменты переводов из Байрона, Пфедфеля. Вот на стра-

нице 180-й собрания сочинений Г. Пфедфеля карандашная запись прямо между строк:

Сражен невесомым Перуном с высоты

Лежал (на) прахе дуб разбитый,

А с ним и гибкий плющ, кругом вокруг обвитый...

О дружба! — Это ты!

До сих пор считалось, что это перевод Жуковским басни Лафонтена, а теперь выяснилось: первоисточник — Пфедфель. Знакомство с 21-м томом собрания сочинений Гердера из библиотеки поэта приносит еще один сюрприз: Жуковскому, оказывается, близок интерес Гердера к народному творчеству, он с карандашом в руках читал его песни разных народов. Прямо в книге Василий Андреевич делает перевод нескольких стихотворений из гердеровской греческой антологии, которые в его сочинениях до сих пор значились как собственные под общим заглавием «Из альбома, подаренного гр. Ростопчиной».

— Меня поражает универсализм интересов Жуковского. Его стремление все узнать, выяснить до конца, — говорит доцент Томского государственного университета Н. Реморова. Именно она расшифровала эти переводы.

Общезвестны слова одного из поэтов о Жуковском: «Ангел-хранитель русской поэзии». Это выражение воспринималось всей душой, когда знакомишься с историей первого сибирского поэта-самоучки Евгения Милькеева, открытого Жуковским во время путешествия в Тобольск. Он поистине крестный отец Милькеева, помог ему перебраться в Петербург, устроил на службу, поддержал первые поэтические опыты. В 1843 году при поддержке Жуковского выходит единственный сборник поэта, ставший вскоре библиографической редкостью. У Жуковского книга сохранилась. Вот она, с длинным, прочувствованным письмом-исповедью, адресованным Жуковскому. В ней многочисленные пометы самого Василия Андреевича. Чувствуется, читал внимательно. На страницах поэмы «Абалак», созданной на основе сибирской легенды, вертикальной чертой (поправилось очень!) отчерчены строки:

Но из годов, цветущих счастьем,

Был год суровый для земли:

Весна грустила над

Дождя холодные текла,

Полей затопленного лова

Чуждался спрятавшийся луч,

И не сходили с небосклона

Громады скрытых, диких туч.

Записи рассказывают и о том, что Жуковский много размышляет о системе воспитания, считая главным путем преобразования жизни нравственное совершенствование. Он неустанно работал над самоусовершенствованием, постоянно контролировал себя, составлял жесткий план на день, на неделю.

— Знаете, что было самым впечатляющим в новом знакомстве с поэтом для меня, человека искоушенного, занимающегося много лет русским романтизмом? — сказала Ф. З. Канунова. — Озабоченность судьбой литературы и страны. Я знала, что Жуковский был великим поэтом, но то, что он был гражданином и патриотом, жившим судьбами русской литературы, то, что он мечтал о гармоническом устройстве общества и на литературу смотрел как на средство, с помощью которого можно добиться цели, это во многом по-новому раскрыла мне его библиотека.

У читателя может возникнуть вопрос: отчего же столь ценная библиотека, находившаяся в университете со дня его основания, стала изучаться лишь в последние годы?

Дело в том, что заполучить для Томска этот бесценный дар

помог В. М. Флоринский, один из создателей и строителей Томского университета, человек, много сделавший для развития науки. И он же, Флоринский, способствовал раздроблению библиотеки, отдав распоряжение: из книг однородных, хотя бы поступивших от разных жертвователей, оставлять лучший экземпляр. Все остальное — в дублетный фонд. Естественно, преимущество было отдано роскошным изданиям, переплетенным в кожу и сафьян, с золотыми тиснениями, а скромные по внешнему виду книги из собрания Жуковского пошли в запасники и многочисленные факультетские библиотеки. Словом, растворились в море литературы. Прошло почти 100 лет, прежде чем они снова собрались вместе.

14 лет терпеливо и неутомимо разыскивал библиотеку Жуковского ученик профессора Кануновой В. В. Лобанов. Когда он начал свой поиск, в отделе редких книг были только сотни томов с характерными маленькими белыми ярлычками, с циферками на корешках. За 14 лет Лобанов разыскал еще полторы тысячи. Пять этажей книгохранилища, подвал, резервно-дублетный фонд — сколько раз он их тщательно осматривал! Иногда везло — удавалось разглядеть скромный ярлык. А чаще всего приходилось вести настоящую поисковую работу.

Лобанов внимательно читал дневники В. Жуковского, его переписку, брал на вооружение каждый намек на книгу. Как было, например, с «Историей Венецианской республики» Дарю. В письме к русскому поверенному в Германии Д. П. Северину Жуковский писал: «За твоего Дарю... я пришло тебе новейшие русские книги». Дарю?! Василий Васильевич нашел роскошное издание, но на нем экслибрис Строганова. Не то! В общем книгохранилище оказался еще один экземпляр, более скромный, с владельческой надписью Северина. Стало очевидно, что именно об этом Дарю и писал поэт! «История Венецианской республики» заняла свое место на стеллаже. Сколько тысяч томов просмотрел, перелистал страницу за страницей В. Лобанов в поисках характерного почерка Жуковского, его рабочих помет! Он был одним из первых прикоснувшихся к творческой лаборатории поэта. Когда в подвалах библиотеки неожиданно нашли рукописный каталог к библиотеке Жуковского, переданной Флоринскому еще в 1896 году, искать стало легче, было от чего отталкиваться, с чем сравнивать. А главное, точно знать, за чем охотиться!

В 1981 году в Томске вышло подробное описание книжного собрания В. А. Жуковского. Его составитель В. В. Лобанов достойно завершил свой многотрудный изыскательский подвиг.

Кафедра русской и зарубежной литературы ТГУ выпустила коллективную монографию «Библиотека Жуковского в Томске», целиком построенную на неизвестном ранее материале.

В Томск идут сегодня письма из Швейцарии, ГДР, ФРГ, Англии от специалистов, занимающихся русской славистикой.

Открытия, сделанные в Томске, пролили свет не только на творчество и личность самого В. Жуковского, выявили и новые аспекты взаимоотношений русской и западноевропейской литературы. В том и значении библиотеки, что она заставляет многое по-новому понять, переосмыслить, приблизить к нашему сегодняшнему дню. И хочется пожелать, чтобы поскорее вышло полное собрание сочинений поэта, в которое будут включены новые материалы, обнаруженные в Томске.

О. АЛЕКСАНДРОВА,

наш соб. корр.
ТОМСК.